
Глава 18.

1913 год

Балканские союзники продолжали наступать на турок и основательно били их. Нервничавшая с начала балканской войны Австро-Венгрия насторожилась. Успех, последствием которого явилось бы чрезмерное усиление Сербии и Черногории, нарушал бы планы Австро-Венгрии, в которые в конечном итоге входил захват этих смежных с габсбургской монархией автономных государств для присоединения к ее славянским владениям. Такого успеха союзников Австро-Венгрия считала жизненно для себя необходимым не допускать. И при предстоявшем дележе союзниками добычи Австро-Венгрия решила энергично настаивать на установлении лишь допустимых с ее точки зрения границ. На случай, что ей придется отстаивать свои интересы в балканском конфликте силою оружия, Австро-Венгрия стала готовиться к войне. Чрезмерные успехи союзников, каковыми с точки зрения нашей дипломатии являлось бы овладение союзниками Константинополем и проливами, не входили, как объяснено выше, и в наши виды. В этом вопросе поводов для столкновения с Австро-Венгрией у нас как будто не было. Но чрезмерные урезки границ союзников при дележе завоеванных территорий не могли бы не вызвать протеста со стороны России в качестве «державы-покровительницы». И по этому поводу Россия могла бы с Австро-Венгрией сцепиться. Между обеими державами определенно встал призрак войны. На приготовления Австро-Венгрии мы отвечали, чтобы не быть застигнутыми событиями врасплох, принятием соответствующих мер предосторожности в наших юго-западных военных округах. Эвентуальность войны вытекала для нас не из одного угрожающего положения, занятого Австро-Венгрией по отношению к балканскому кризису. Толкали нас на войну и внутренние течения. Некоторые влиявшие на царя круги, а также думская общественность настаивали на присоединении России к балканским союзникам, чтобы помочь им доконать Турцию, а самой России овладеть Константинополем и проливами. Нечего говорить о том, что в условиях существовавшей международной обстановки вступление России в войну, вынужденное ли вмешательством в нее Австро-Венгрии, предпринятое ли Россией по собственному почину в целях осуществления ее цареградской мечты, угрожало пожаром мировой войны. Но час ее еще не пробил. Сазонов, ссылаясь на заявления военного и морского своих кол-

лег о недостаточной еще нашей подготовленности к войне, особенно такой, которая угрожала развернуться в войну мирового масштаба, докладывал царю о необходимости воздержаться от активных действий. В момент особого напряжения Кокковцов ездил в Ливадию, где находился царь, отправившийся в Крым с семьей для восстановления сил болевшего перед тем наследника. Возвращаясь, встреченный на Николаевском вокзале товарищами своими по финансовому ведомству и некоторыми другими сановниками, Кокковцов тут же на перроне во всеуслышание им объявил: «Господа, спешу прежде всего вас успокоить насчет войны. Войны не будет. Ее не хочет Распутин». Такое решение фактического правителя России, каким в то время, к позору ее, стал бесчестный и развратный сибирский проходимец, исключало самововлечение России в войну. Что же касается принуждения России к войне агрессивностью Австро-Венгрии, то оно было предотвращено концертом великих держав. По-видимому, всеми ими признавалась еще несвоевременная в том 1913 г. всеобщая драка. Было образовано в Лондоне совещание послов великих держав, как Тройственного союза, так и Тройственного согласия, для выработки согласованных решений по всем вопросам, касавшимся балканского кризиса¹. Делу помогло <то>, что после взятия Адрианополя приостановились дальнейшие успехи борющихся с Турцией союзников. Нервность Австро-Венгрии умерилась в своей остроте. Совещанию послов удалось предотвратить столкновение великих держав между собою по вопросам, вытекавшим из отношения их к событиям и к ликвидации не только войны союзников с Турцией, но и последовавшей затем второй войны союзников между собою по дележу добычи. В эту вторую войну вмешались Румыния, захотевшая урвать и себе кусок пирога, и Турция, вернувшая себе обратно Адрианополь. Союзники получили приращения территорий за счет отобранных от Турции областей, и за счет тех же областей было образовано новое государство — Албания.

В вопросе о новых границах балканских государств России принадлежал веский голос. И от ее настояний зависело не дать обобщать и унижать Болгарию при дележе завоеванных территорий. Пусть притязания Болгарии, приведшие ко второй балканской войне, были чрезмерны. Но они имели за собою то оправдание, что война с Турцией главной своею тяжестью легла именно на Болгарию, как на обладавшего военным превосходством и поэтому наиболее мощного члена балканского блока. Усилиями главным образом Болгарии были достигнуты успехи союзников в войне. Болгария же понесла в войне наибольшие жертвы. Сазонов по лености своего ума не вник в эти простые соображения. По лености же он не искал в политике путей напряжением собственного мозга, а пользовался мыслями, подсказывавшимися ему сослуживцами из признававшихся наиболее умными и опытными. К числу их принадлежал честолюбивый Н. Г. Гартвиг, посланник наш в Сербии, сумевший благодаря своим способностям занять в этой стране положение фактического ее правителя. Таким положением, служившим рекламой его отменного дипломатического искусства, Гартвиг дорожил, рассчитывая через него добиться портфеля главы русского дипломатического ведомства. Дорожа положением «правителя Сербии», Гартвиг, естественно, вынуждался заботиться о ее благе. Он рекомендовал Сербию особо благожелательному вниманию императорского правительства. Подсказал Сазонову ту мысль, что в политике нашей на Балканах ставка должна быть взята на Сербию преимущественно перед другими балканскими государствами, как на надежнейший, после

«ликвидации» Обреновичей², оплот и проводник русского влияния на Балканах. Настаивал на наивозможно большем приращении территории Сербии. Сазонов придерживался ранее ставки на Болгарию. Но он в Болгарии разочаровался и на нее вознегодовал за зажженный ею пожар братоубийственной брани между бывшими союзниками. И это несмотря на сделанное нами Болгарии и Сербии напоминание о том, что связывавший их договор обязывал их все возникающие между ними споры представлять на разрешение России. Подхватив мысль Гартвига о ставке на Сербию, Сазонов решил Сербию возвеличить, а Болгарию унижить. Склоняли Сазонова к унижению и ослаблению Болгарии и продолжавшиеся его опасения, как бы Болгария, если она будет сильна, не перехватила Константинополь и проливы. «Пока я министр, — говорил не доверявший Болгарии и ею недовольный Сазонов, — великой Болгарии не будет». И Сазонов способствовал тому, что Болгария была при дележе территорий обездолена, а Сербия возвеличена в значительной степени в ущерб Болгарии. Сазонову пришлось потрудиться, чтобы добиться такого результата, преодолевая сопротивление Австро-Венгрии чрезмерному усилению Сербии.

Вот когда Сазонов показал, что ему не следовало оставаться министром иностранных дел после смерти Столыпина. Нельзя было избрать для России более нелепой линии поведения в вопросе о ликвидации балканского кризиса.

Какие в самом деле разумные цели должна была преследовать Россия на Балканах? Укрепление своего имевшего историческую базу влияния на народности, населяющие Балканский полуостров. Удержание их в орбите этого влияния. Предупреждение ориентации на другие, особенно на враждебные России великие державы.

Если бы мы и не проявили чрезмерной заботливости о Сербии, противоречия которой с Австро-Венгрией обострились с 1903 г. настолько, что не могло прийти в речи о возврате ее к сближению с Габсбургской монархией (к которому, в противность духу и интересам народа, привела в свое время страну предательская политика Обреновичей), Сербия все равно, хотя бы и не столь довольная нами, осталась бы верной ориентации на Россию. В случае мирового конфликта Сербия выступила бы на нашей стороне, вполне отдавая себе отчет в том, что победоносная Австро-Венгрия неминуемо поглотила бы Сербию, хотя бы последняя и помогла Австро-Венгрии победить.

Не было поэтому практических оснований строить возвеличение Сербии на унижении Болгарии.

Были практические основания к тому, чтобы не унижать Болгарию.

Обделенная, униженная с соизволения и при прямом участии России, в лице ее незадачливого министра иностранных дел, Болгария не имела после ликвидации балканского кризиса непримиримых противоречий с враждебными России Австро-Венгрией и Турцией. И весьма, естественно, негодуя на Россию за свое унижение, одинокая в окружении ограбивших ее «братских» народов, Болгария обратилась, ища опоры, к врагам своей прежней покровительницы, заключив союз с Турцией и войдя в сближение с принявшею ее вооружать Австро-Венгрией. Не приходилось поэтому удивляться, что в мировую войну³ Россия увидела Болгарию в рядах своих противников. Такою изменою Болгарии славянству, представляющею собою фактор, значение которого отнюдь нельзя преуменьшать, Россия была в значительной степени, если не всецело, обязана

безрассудной политике Сазонова. Другим результатом той же политики было то, что проявлением вящего, подчеркнутого, чрезмерного благоволения к Сербии Россия заранее предопределила приведшее к мировой войне отношение свое к предъявленному Сербии австро-венгерскому ультиматуму 1914 года⁴. Нельзя было, особенно в такое тревожное время, когда только что была едва избегнута опасность мировой войны, обязываться векселями, расплата по которым угрожала России тою же опасностью.

* * * * *

В этот этап первой балканской войны, когда пал Адрианополь и Государственная дума мечтала о присоединении России к союзникам для овладения Константинополем и проливами, Сазонов пригласил к себе членов Думы, *двумя партиями, в разные дни правых и левых*, на чашку чая⁵. Предполагалось, Сазонов даст гостям исчерпывающие объяснения на тему о злобе дня. Но Сазонов не умел говорить в больших собраниях. Когда ему в редких случаях приходилось выступать с речью, она ему заранее составлялась, и он ее читал по записке. Прибегнуть к шпаргалке на чашке чая было неудобно. Чашка чая свелась к богатому угощению. И обворожительною была любезность хозяина, угощавшего гостей. Они настолько обворожились любезностью Сазонова и его конституционализмом, выразившимся в доказанном желании интимного сближения с членами законодательной палаты, что не настаивали на политической теме. Она в беседе хотя и затрагивалась, но обходилась Сазоновым за неумением с нею справиться. Гости удовлетворялись общими местами и чашкою чая, сделавшею Сазонова совершенно приемлемым для Думы. Как нетрудно было в те дни той Думе угодить!

* * * * *

В начале года торжественно праздновался трехсотлетний юбилей царствования Дома Романовых⁶. Юбилей наводил на мысли о будущем царского дома. Перспективы представлялись грозными. Влияние и гнусность поведения Распутина росли. Столыпиным и другими преданными монархии лицами неоднократно делались соответствующие предупреждения царю. Коковцову пришлось ему повторить, что, по убеждению благомыслящих людей, в России дальнейшее оставление Распутина в допущенной близости к царю и к его семье угрожает существованию династии. Угрожала ее существованию и вся политика власти. Но ясно сознавалось, что царь ни распутинского наваждения не найдет сил с себя стряхнуть, ни политики не изменит. *Значит, династия обречена.*

Общество не сосредотачивалось на мыслях о неустойчивости режима, не отдавало себе отчета в напряженности международного положения, не сознавало, какой опасности избегла страна в тревожные моменты балканского кризиса. Общество напропалую веселилось, обедалось, опивалось. Дельцы, промышленники, коммерсанты делали большие дела, быстро и легко наживая деньги. Вовсю работали банки. Деньги проживались. Зря сыпались. И от мала до велика, кому только было не лень и у кого были хотя небольшие средства, все играли на бирже.